

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 323.232

Роль самооценки в политическом дискурсе: лингвопрагматический аспект

¹ Тимофеева Е.М.,

¹ Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Аннотация: статья посвящена анализу имплицитной и эксплицитной самооценки как одной из ключевых стратегий манипулятивного воздействия в современном политическом дискурсе. В условиях смещения фокуса политической коммуникации с рациональной аргументации на эмоционально-прагматические приемы особую значимость приобретает использование местоимения *we*, позволяющего адресанту формировать позитивный образ «своих», снижать индивидуальную ответственность и конструировать эффекты коллективной солидарности. На основе эмпирического материала, включающего публичные выступления и интервью Дональда Трампа, изучаются механизмы инклузивного и эксклюзивного восприятия местоимения *we*, а также стратегии суггестии, дефокусирования и смещения ответственности. Показано, что позитивная самооценка сочетается с негативной оценкой «других», формируя оппозицию «мы–они» как инструмент политической мобилизации. Имплицитная самооценка позволяет «говорить между строк», усиливая воздействие на адресата и повышая эффективность политической риторики. Результаты исследования демонстрируют, что самооценочные стратегии функционируют как многоуровневый механизм формирования политического имиджа и управления восприятием аудитории.

Ключевые слова: политический дискурс, самооценка, самоидентичность, лингвопрактический анализ, инклузия, эксклюзия, оценочная лексика

Для цитирования: Тимофеева Е.М. Роль самооценки в политическом дискурсе: лингвопрагматический аспект // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 6. С. 119 – 122.

Поступила в редакцию: 13 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

***

The role of self-evaluation in political discourse: linguistic and pragmatic aspect

¹ Timofeeva E.M.,

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: the article examines explicit and implicit self-evaluation as key manipulative strategies in contemporary political discourse. As political communication increasingly shifts from rational argumentation to emotionally oriented pragmatic techniques, the use of the pronoun *we* becomes an essential tool for shaping a positive image of the in-group, reducing individual responsibility, and constructing an effect of collective solidarity. Drawing on empirical material that includes Donald Trump's public speeches and interviews, the study analyzes the mechanisms of inclusive and exclusive interpretation of *we*, as well as strategies of suggestion, defocusing, and responsibility shifting. The analysis demonstrates that positive self-evaluation is frequently combined with negative evaluation of the out-group, forming the “*we–they*” opposition as an instrument of political mobilization. Implicit self-evaluation enables politicians to communicate “between the lines,” enhancing their persuasive impact and increasing rhetorical effectiveness. The findings indicate that self-evaluative strategies operate as a multilayered mechanism for constructing political image and managing audience perception.

Keywords: political discourse, self-evaluation, self-identity, linguapragmatic analysis, inclusion, exclusion, evaluative language

For citation: Timofeeva E.M. The role of self-evaluation in political discourse: linguistic and pragmatic aspect. Philological Bulletin. 2025. 4 (6). P. 119 – 122.

The article was submitted: September 13, 2025; Approved after reviewing: November 11, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Современная политическая коммуникация характеризуется смещением фокуса воздействия на адресата: с рациональной аргументации на вербальные манипуляции сознанием адресата. Одним из распространенных средств манипулятивного воздействия на адресата в политическом дискурсе, как показал анализ, является оценочное отношение адресанта к себе – самооценка. При этом реализация самооценки часто происходит косвенно (имплицитно), посредством различных прагматических стратегий и набора лингвистических маркеров (аффордансов), способствующих их адекватному, заведомо запланированному адресантом, восприятию и интерпретации адресатом [8, 10]. В большинстве случаев самооценочная риторика в политическом дискурсе характеризуется акцентом на позитивных чертах «своего» (страны, партии, лидера) и самого себя, уменьшая при этом позитивные черты «чужих» и «чужого». Данный фактор коррелирует с концепцией Теории социальной идентичности (Social Identity Theory), которая была разработана Анри Тэшфелом и Джоном Тернером еще в 1970-х годах. По мнению исследователей, положительная самооценка выступает «основным средством формирования имиджа политика или группы» [10]. Политик или журналист может публично восхвалять себя и «своих» – подчёркивать успешность своей команды, компетентность властей, достоинства своей идеологии. Проиллюстрируем это примером – 28 октября 2019 года на ежегодной конвенции Международной ассоциации начальников полиции (International Association of Chiefs of Police) в Чикаго американский политик Дональд Трамп произнес: “We have imposed tough sanctions on Cuba, Venezuela, and Nicaragua. We are confronting the menace of socialism in our hemisphere.” Рассмотрим данное высказывание двух уровнях планирования ее адресантом и восприятия адресатом: инклузивного и эксклюзивного. Первая часть высказывания, его буквальное значение, гарантирует инклузивное восприятие и понимание интенции автора (“We have imposed tough sanctions on Cuba, Venezuela, and Nicaragua”). Обобщающее местоимение “we” включает всех американцев, администрацию Трампа и стран-союзников, что создает эффект коллективного действия и национального единства перед внешней угрозой. Такая стратегия,

транслируя посыл «мы – молодцы, мы все предумстремили» привлекает адресата, усиливает чувство солидарности и доверия [7]. С позиции эксклюзивного уровня восприятия сформирована вторая часть высказывания – “We are confronting the menace of socialism in our hemisphere” акцентирует внимание на возникшей для всей страны угрозе, имплицитно обвиняя оппонентов в сложившейся ситуации. Местоимение “we” в этом случае отдельяет администрацию Трампа и ее сторонников от политических оппонентов внутри страны (например, от демократов, которые могли выступать и выступали против санкций) и администраций предшественников (особенно администрации Обамы, которая разворачивалась в сторону нормализации отношений с Кубой) [1, 3, 5].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили публичные политические выступления, интервью и медиатексты американского политика Дональда Трампа за период 2016-2020 гг., отобранные методом сплошной выборки из открытых англоязычных источников (CNN, CNBC, IACP Convention, предвыборные митинги, официальные брифинги Белого дома). Методы исследования включали качественный дискурс-анализ с опорой на прагмалингвистический подход, позволяющий выявить стратегию самооценки и её имплицитные формы выражения; контекстуальный анализ, направленный на изучение условий реализации коммуникативных стратегий и интерпретации адресатом; прагматический анализ для выявления коммуникативного намерения адресанта и прагматических эффектов; а также элементы когнитивного анализа, опирающегося на положения Теории социальной идентичности (A. Tajfel, J. Turner) для интерпретации бинарной оппозиции «мы – они». Дополнительно использовались методы семантического и лингвопрагматического маркирования, направленные на идентификацию языковых средств, обеспечивающих вербализацию эксплицитной и имплицитной самооценки. Обработка полученных данных проводилась вручную с последующей классификацией выявленных маркеров по типам стратегий (инклузия, эксклюзия, дефокусирование, суггестия) и их коммуникативным функциям в политическом дискурсе.

Результаты и обсуждения

Негативная самооценка (признание собственных ошибок) встречается в политическом дискурсе редко и подаётся очень осторожно. При этом, если все же приходится критиковать собственную политику, это обычно делается «мягко» – через аналогии или юмор. Сознательная акцентуация недоработки чего-то, критика в свой адрес может быть представлена и посредством использования обобщающего местоимения “we” с целью снять личную ответственность. Рассмотрим еще одно высказывание Д. Трампа, которое он произнес на этапе обсуждения систем тестирования на COVID-19 на ранних стадиях пандемии (март 2020): “We inherited a very obsolete system... We have a system that was out of date, obsolete, and it's system that was never meant to take care of the kind of quantity that we're talking about.” Политик признает проблему (obsolete system), но использует местоимение “we” в связи с глаголом “inherited”, таким образом проблема признается, но вина за нее немедленно возлагается на предшествующие административные органы. “We” в данном случае объединят администрацию Трампа и американский народ, противопоставляя ее прошлой, неэффективно работающей системе, за которую «они» не несут ответственности.

Использование местоимения *we* в значении «мы вместе», «мы все» позволяет также политикам распространять самооценку на всю аудиторию и избегать тем самым своей изоляции. Например, в своей предвыборной кампании 2016 года Д. Трамп сказал: “We will build the wall, and Mexico is going to pay for it!”. Данное высказывание стало краеугольным камнем его предвыборной кампании, которое регулярно повторялось на митингах и в интервью. В контексте данного высказывания прослеживается суггестия единства и коллективной ответственности, местоимение “we” создает иллюзию общего дела. Получатель информации не просто наблюдает за планами политика, но и косвенно участвует в них в качестве соисполнителя. Достаточно частотной стратегией адресанта в политическом дискурсе является стратегия дефокусирования, суть которой заключается в отводе внимания от неудобных тем, ответственности или конкретизации. Рассмотрим пример из интервью Д. Трампа телеканалу CNBC на Давосском экономическом форуме 22 января 2020 г. “We have it totally under control. It's one person coming in from China, and we have it under control. It's going to be just fine.” Вместо того, чтобы обозначить четко «Я, как президент, контролирую ситуацию» политик использует местоимение “we”, создавая ситуацию неопределенности – кто именно контролирует си-

туацию: администрация, система здравоохранения или страна в целом. Такого рода неопределенность, когда ситуация значительно ухудшилась, помогла избежать прямой ответственности. Таким образом, приемы суггестии и дефокусирования помогают политическому субъекту выступать то, как уверенный руководитель, то как смиренный член коллектива, в зависимости от стратегических и тактических целей [7].

Особо следует упомянуть функцию самооценки как стимула для адресата. В СМИ (особенно в заголовках) самооценка нередко используется, чтобы «возбудить» читателя, задать эмоциональный тон повествования. Хвалебные «мы» и самовосхваление политика призваны укрепить доверие и воодушевить сторонников. Например, в 2019 году на CNN вышла статья с громким заголовком: “Trump boasts: ‘We have the greatest economy in the history of our country’”. Данный заголовок построен на прямом цитировании. Ключевые слова, такие как “boasts” и “greatest...in history” молниеносно задают тон самовосхваления. Местоимением “we” политик приписывает беспрецедентный успех себе и своей администрации [6].

В политическом дискурсе часто противопоставляются также «мы» и «они» (in-group vs. out-group). Позитивная самооценка «своих» нередко сочетается с отрицательной оценкой «чужих». Например, «чужие» внутри страны. “The political establishment that is trying to stop us is the same group responsible for our disastrous trade deals, massive illegal immigration, and economic and foreign policies that have bled our country dry.” Данный фрагмент представляет собой выступление Д. Трампа на митинге 2016 года. Местоимение “us” – это Трамп и его избиратели (сторонники), “the political establishment” – это обобщенный образ «чужих», виновных во всех трудностях и бедах страны. Такая контрастная стратегия, усиливает чувственное воздействие, создавая импликатуры «мы – молодцы», «они – некомпетентны», что способствует сплочению «своих» и разобщения с «чужими» (оппонентами) [4].

Выводы

Таким образом, самооценка как эксплицитная, так и имплицитная выступают в политическом дискурсе как сложные инструменты речевого воздействия. Имплицитная самооценка позволяет адресанту говорить «между строк», достигать политических целей «неявными» методами, предоставляя адресату пространство, возможность самостоятельной интерпретации, заложенной в высказывании импликатуры.

Самооценка, фокусирующая внимание на самом адресанте или «своей» группе, призвана создать позитивный образ «нас» и мобилизовать симпатию аудитории. Идейная оппозиция пози-

тивной самооценки и негативной оценки «других» (мы – они) является частотным приемом в арсенале современного политика и широко используется в различных жанрах политического дискурса.

Список источников

1. Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений // Русистика. 2017. Т. 15. № 3. С. 255 – 284.
2. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: презентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
3. Гришаева Л.И. Взаимодействие номинативных и дискурсивных стратегий в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2006. № 17. С. 87 – 100.
4. Липатов С.А. Политическая психология: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2020. 287 с.
5. Смирнова Н.В. Передача значения самооценки в диктэмах заголовков публицистического дискурса // Филологический аспект. 2019. № 3 (47). С. 54 – 64.
6. Торбик Е.М. The means of manifestation of authoritarianism in American political discourse // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 568 – 571.
7. Brown J.D. *The Self* // Routledge. 2007. 336 p.
8. Fairclough N. *Language and Power*. Longman. 2001. 245 p.
9. Prahallad L., Mamidi R. Bias in Political Dialogue: Tagging US Presidential Debates with an Extended DAMSL Framework //arXiv preprint arXiv:2505.19515. 2025.
10. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Nelson-Hall. 1986. P. 7 – 24.

References

1. Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova A.M. Contemporary Political Discourse: Verbal Exemplification of Tactical and Strategic Preferences. Russists. 2017. Vol. 15. No. 3. P. 255 – 284.
2. Van Dijk T.A. Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication. Moscow: Librokom Book House, 2013. 344 p.
3. Grishaeva L.I. Interaction of Nominative and Discursive Strategies in Political Discourse. Political Linguistics. 2006. No. 17. P. 87 – 100.
4. Lipatov S.A. Political Psychology: A Study Guide. Moscow: Aspect Press, 2020. 287 p.
5. Smirnova N.V. Conveying the Meaning of Self-Esteem in the Dictemes of Publicistic Discourse Headlines. Philological Aspect. 2019. No. 3 (47). P. 54 – 64.
6. Torbik E.M. The Means of Manifestation of Authoritarianism in American Political Discourse. The World of Science, Culture, and Education. 2023. No. 3 (100). P. 568 – 571.
7. Brown J.D. *The Self*. Routledge. 2007. 336 p.
8. Fairclough N. *Language and Power*. Longman. 2001. 245 p.
9. Prahallad L., Mamidi R. Bias in Political Dialogue: Tagging US Presidential Debates with an Extended DAMSL Framework. arXiv preprint arXiv:2505.19515. 2025.
10. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. Psychology of Intergroup Relations. Nelson-Hall. 1986. P. 7 – 24.

Информация об авторе

Тимофеева Е.М., аспирант, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

© Тимофеева Е.М., 2025